

подало повод к преисполненной жаром похвале услужливости и гостеприимству.

Проезжая по Курляндии, господин Карамзин ест везде с добрым харчем и рассказывает нам, чего и по сколько.

Но у одной корчмы вечер был так приятен, речка так чиста и деревья так густы, что он отказался от ужина и пошел гулять по берегу. Солнце перед ним закатилось. Сие напоминает ему об одном московском вечере, в который с отменным удовольствием смотрел он на заходящее солнце. «Думал ли я тогда, — восклицает он, — что ровно через год буду наслаждаться приятностями вечера в курляндской корчме! Я⁶ вынул из кармана записную книжку, чернильницу и перо и написал то, что вы теперь читали». Около месяца спустя после разлуки с друзьями, сердце его стало повеселее, так что он шутя называет себя *рыцарем веселого образа*.

Один из обыкновенных подвигов нашего рыцаря есть посещать славных писателей. Его делает он без всяких околичностей — ему не надобно посредников: «Смелость, — говорит он, — города берет и отвергает двери философов». Во всех таковых случаях поступает он по сему правилу одинаким образом. Несчастный мудрец, с которым ему поговорить заблагорассудится, должен от него узнать, что он путешествует для свидания с учеными мужами. Некоторые из них принимали его учтиво, но другие, казалось, посещение его с холодною отвергали. Виланд, особливо, отказал ему наотрез, не взирая на уверение его, что одно желание видеть творца Оберонова привлекло его в Веймар. Однако ж напоследок и над ним неотвязно докучливостью своею одержал он верх; и хотя стихотворец сей говорил ему, что он не любит пускать к себе незнакомых людей, опасаясь, чтоб кто из них не вздумал, как то в Германии вошло в обычай, издать бывшие между ими разговоры в свет; хотя сочинитель наш во успокоение его и отвечал, что он не немец и не может писать для немцев; однако ж, несмотря на то, выдает на немецком языке подробное описание о свидании своем с Виландом, включает точные слова разговоров его о разных вещах и даже уведомляет нас об особенных мнениях его и привычках.⁷ Таково есть поведение тех, которые голову свою так туго набивают чувствительностями, что не уже остается в ней места ни пристойности, ни благоразумию!

Ни один из писателей, к которым господин Карамзин по-своему без труда вламывался, кажется, не понравился ему столько, как лейпцигской Вейсе, великий писатель детских книг: «Его маленькой человек, ему уже слишком шестьдесят лет, и во всякой черте лица его видна добрая душа. В саду ходил он в красном халате и в белой шляпе; а в горницу вошел в том же красном халате, но только уже в напудренном парике с кошельком». Он потчевал путешественника нашего лимонадом. Во Франкфурте господин Карамзин заметил, что город сей «в ненастное время кажется пуст от того, что все сидят дома, кроме тех, кому надобно идти со двора; а в хорошую погоду он кажется очень многолюден от того, что, обрадовавшись солнцу, все, как муравьи, ползут из своих нор» (том I, стран. 205).⁸ После разных других, столь же остроумных и глубокомысленных замечаний, отвлекается он от осмотра города одним прельщающим его

⁶ Здесь пропущены слова: *лег на траве под деревом*.

⁷ Обвинение сие не совсем справедливо: сочинитель путешествия издал оное на русском языке; хотя и то правда, что написанное на одном языке легко может переведено быть на другой.

⁸ Сие показание томов и страниц относится к английскому переводу, а не к русскому подлиннику.